

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

Даниил ГРАНИН:

«ЗДЕСЬ ВЛАСТВУЕТ СЛОВО»

чественный театр многие годы весьма усердно занимался различными поисками, разными экспериментами, отчетливо понимаю, за что тогда так преданно полюбил Малый, что в его эстетике в первую очередь ценно ныне... Малый театр — это оплот реализма и лучших традиций русской сцены. Понимаете, для меня очень важно, что спектакли здесь рассказывают о понятных человеческих страстях и переживаниях; что здесь властвует Слово; что декорации изображают именно то, что и должны изображать; что на актерах нормальные костюмы: что, наконец, есть антракты... Да, пожалуй, с годами, после всех «модернов», все больше начинаю любить театр старого типа: с костюмами, с декорациями, с занавесом в том или ином виде — чтобы он распаивался, и я попадал в какой-то новый мир... Не так давно в Ленинград на гастроли приезжали артисты тбилисского коллектива, носящего имя Шота Руставели. Ничего не скажешь, театр — прекрасный! Очень свободный во всех своих проявлениях. И все-таки больше трех спектаклей там, пожалуй бы, я не выдержал. Почему? Потому

что с «модерном», на мой взгляд, явный перебор...

— Но, может, именно в этом проявляется современность театра? Вы же наверняка хорошо помните бесконечные дебаты о современной манере игры, о современном актере, о современной трактовке классики...

— Когда вижу на сцене Михаила Ивановича Царева, Елену Николаевну Гоголеву, Игоря Владимировича Ильинского (наш разговор о Малом театре, и поэтому называю именно его мастеров), то снова и снова убеждаюсь: вот они, современные актеры! Почему-то кое для кого вся «современность» выражается в спектакле весьма внешне: нет декораций, например, или актеры говорят так тихо, что и не разобрать... Кстати, подобную «интимную» манеру общения актера со зрителем не принимаю самым решительным образом. Как писатель я люблю слово. Понимаете, в книге для меня нет слов, которые не важны. Если слово не важно, то я его не напишу или вычеркну. Каждое слово, которое существ-

вует в тексте, кажется мне обязательным, необходимым. Именно как слово. Его нельзя сыграть. Однако некоторые актеры почему-то считают, что его вполне уместно невнятно пробормотать, но зато — «сыграть». Нет, я убежден: играть надо то, что БОЛЬШЕ слов, то, что слово все-таки должно быть произнесено. Ведь хорошо известно: «сначала было слово», а вовсе не жест...

И вот вновь в зрительном зале я вижу, слушаю Гоголеву, Царева, Ильинского и их сподвижников. Вновь наслаждаюсь Театром. Вновь упиваюсь Словом. Словом полнозвучным... Так счастливо случилось у меня, например, на «Заговоре Фиеско» Шиллера. Вспомнил сейчас этот спектакль, и подумалось, пьеса — сверхизвестная, постановка — сравнительно давняя, почему же так волнует? Да потому, что внутри этого «старого» спектакля таятся дивные вещи! Вот тебе и классика!..

— Однако театр не может жить лишь одной классикой. Современная тема — основа репертуара...

— Естественно, причем в современном театре конфликты мне нужны именно злободневные. Помните пьесу Владимира Арро «Смотрите, кто пришел!» — там автор остро повествует о нынешнем смещении такого понятия, как престижность. Оказывается, сейчас модный парикмахер не без оснований ощущает порой себя хозяином положения, стоящим на десять голов выше иного научного сотрудника... Интересные наблюдения драматурга меня увлекают, заставляют размышлять над явлениями жизни — и в этом безусловная заслуга театра: он не может жить только той «современностью», которая «впрыскивается» в классику, долгие сам ставить и решать острые проблемы на современном материале...

— Такие острые проблемы современности вы сами всякий раз ставите в своих пьесах, романах... А потом, инсценированные, они звучат со сцены... Как считаете: театральная судьба вашей прозы сложилась счастливо?

— Мне трудно судить, потому что большинства спектаклей не видел... И все-таки, пожалуй, не особенно счастливо, хотя все мои романы на сцене шли — и «Искатели», и «Иду на грозу», и «После свадьбы»... Так что жаловаться вроде грех. Но не могу и хвастаться, потому что ничего особенно блестящего из инсценировок не получилось.

— Не слишком ли вы строги к себе? «Картина», например, ныне с успехом идет не только в столице, но и на сценах других городов страны... Кстати, как протекала ваша совместная работа над этим спектаклем в Малом театре?

— Когда режиссер Леонид Хейфец сообщил, что в Малом собираются ставить «Картину», это было для меня подарком, праздником... Правда, с инсценировкой романа долго ничего не получалось...

— Вы сами не пытались сделать это?

— Нет, потому что, откровенно говоря, большой веры в то, что может быть результат, не испытывал. Да и драматургического опыта у меня маловато. Кроме того, был тогда занят другой вещью... В общем, несколько человек принимались за инсценировку, но во всех случаях театр что-то не устраивало. Наконец был принят вариант, который предложил Александр Ремез...

— А как к инсценировке отнеслись вы?

— Смирился с ней...

— Что, большие утраты по сравнению с романом?

— Дело не в этом, ведь инсценировка для автора всегда — список потерь. Спектакль же позволяет что-то вернуть, что-то приобрести — это автору некоторое утешение... Например, Гоголева в образе Ольги Серафимовны прелестна. Доставили мне радость и Бочкарев (Лосев), и Кочетков (Поливанов), и Глушенко (Таня Тучкова)... Репетировали они с большой душой...

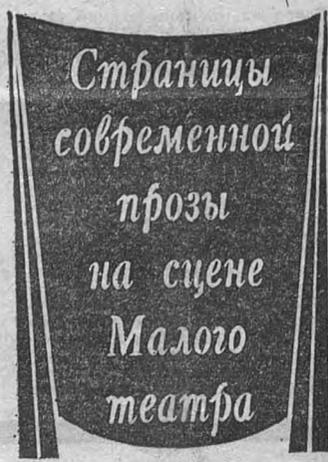
— Бывая на репетициях, вы вмешивались в работу над спектаклем?

— Стараюсь никогда этого не делать; потому что однажды почувствовал: если начну вмешиваться, то буду вынужден от начала до конца сидеть на репетициях и работать вместе с постановщиком, что ему не всегда, может быть, нужно. Возвращаясь к разговору о репетициях в Малом, хочу подчеркнуть: я им, пожалуй, не помогал, они же мне кое в чем помогли определенно...

— В чем же?

— Ну, вот актер Кочетков, исполняющий роль Поливанова: из тех сложностей, которые у него возникли с этим образом, я сам понял о своем герое нечто новое. Актер с этим образом «воевал», не мог его сразу на себя «надеть» — и я ощутил: его Поливанов вовсе не желает каяться в том, что когда-то совершил, не желает признавать свои былые ошибки. И это ощущение НЕЖЕЛАНИЯ было для меня очень интересно... Еще хочу подчеркнуть: Хейфец репетировал, страстно отстаивая каждую фразу текста. Подобная позиция режиссера вызывает уважение: он бережно относится к духу произведения плюс смело выводит на сцену противоречия нашей жизни — именно к этому недавно с трибуны Большого Кремлевского дворца призвал деятелей литературы и искусства Константин Устинович Черненко...

Вел беседу
Лев СИДОРОВСКИЙ
ЛЕНИНГРАД

1. Г. Марков, Э. Шим. «Вызов». Сцена из спектакля.
2. Ю. Бондарев. «Берег». Никитин — В. КОРШУНОВ, Эмма — Н. КОРНИЕНКО.
3. Д. Гранин. «Картина». Татьяна Тучкова — Е. ГЛУШЕНКО, Поливанов — А. КОЧЕТКОВ, Лосев — В. БОЧКАРЕВ.
4. М. Алексеев. «Ивушка неплакучая». Сцена из спектакля.
5. Ю. Бондарев. «Выбор». Райса Михайловна — С. ФАДЕЕВА, Рамзиц — Я. БАРЫШЕВ. Фото И. ЕФИМОВА